

ничил себя узко практическими целями — фиксации живого употребления в жанре словаря-разговорника. Его интерес к литературному языку, к историческому аспекту его формирования, к межславянским языковым отношениям имел в значительной мере научное происхождение. Его взгляд на славянскую языковую проблематику был типичен для той эпохи, породившей позже в сфере языковой политики теорию трех штатов и в сфере практики славяно-сербский язык. На этом пути осуществлялось формирование сравнительно-сопоставительного метода в языкознании, научный характер которому был придан в начале XIX в. освоением концепции историзма. Как византийско-славянская лексикографическая традиция, принявшая на последней ступени своего развития форму азбуковника, и сиропейская гуманистическая традиция встречаются друг с другом, чтобы совместно подготовить и встроить эпоху исторического языкознания.

Точно так и независимая работа двух исследовательниц в области истории лексикографии служит взаимному обогащению результатов. Труд той и другой далеко

выходит за рамки обычной научной деятельности своим подвижническим характером, это дело жизни, для выполнения которого недостаточно только усердия, только учености — нужен особый душевный дар. Удивительно и прекрасно его проявление в нашей скромной по своему общественному значению науке!

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Ковтун Л. С.* Русская лексикография эпохи средневековья. М.; Л., 1963.
2. *Ковтун Л. С.* Лексикография в Московской Руси XVI — начала XVII вв. Л., 1975.
3. *Ковтун Л. С.* Древние словари как источник русской исторической лексикографии. Л., 1977.
4. *Михайлов А.* Книга Бытия пророка Моисея в древнеславянском переводе. Вып. I—IV. Варшава, 1900—1908. С. 62, 338.
5. *Дюрович Л.* Предисловие // *Slavica Lundensia*, Pt 3: Очерки по раннему периоду славяноведения в Швеции / Lund, 1975. С. 8.
6. *Polikarpov F.* Lexicon treiazučnvi. Dictionarium trilingue. Moskva, 1704 (=München, 1988).
7. *Биргегорд У.* Глоссарий русского разговорного языка конца 17-го века // *Rling*. 1975. № 2.

Алексеев А. А.

Демьянов В. Г. Фонетико-морфологическая адаптация иноязычной лексики в русском языке XVII века: М.: Наука, 1990. 160 с.

Одним из крупнейших достижений отечественной исторической русистики в последние десятилетия явилось издание целого ряда памятников письменности XI—XVII вв. — от "Синайского патерика" и "Изборника 1076 г." до "Грамоток" и "Вестей-Курантов". Именно этот последний источник [1—4], представляющий собой рукописные известия о событиях за рубежом, т. е., по сути дела, первую русскую газету, лучше многих других отражает обиходный русский язык XVII столетия — в значительной мере свободный от церковнославянского влияния и в то же время относительно упорядоченный, поскольку вести-куранты предназначались для августейших особ. Активным участником многолетней работы по публикации курантов является В. Г. Демьянов. Рецензируемая книга — результат наблюдений автора над иноязычной лексикой в "Вестях-Курантах" и других письменных памятниках XVII в., как опубликованных, так и ожидающих издания.

По справедливому замечанию В. Г. Демьянова, основными исследованиями об исто-

рии заимствований в указанный период до сих пор остаются "устаревшие с каждым годом всё более" работы Н. А. Смирнова [5] и В. Христиани [6] (с. 5). Выходящие сейчас исторические и этимологические словари, к сожалению, не всегда учитывают материал вновь изданных текстов, и поэтому хронология заимствований нередко отодвигается на пятьдесят, сто, а то и более лет позднее действительной даты первой фиксации. Так, например, в [7] сообщается, что слово *корсар*, заимствованное в конце XVII в., зафиксировано в современной форме лишь в 1782 г.; между тем производное *корсарский*, засвидетельствованное в [3], позволяет отнести данное заимствование к первой половине XVII в. В том же источнике представлена форма *кюрасир*, хотя по данным [7] это слово было заимствовано только в Петровскую эпоху. Таким образом, уже сам факт введения в научный оборот обширного материала, относящегося к заимствованиям, обуславливает существенное значение рецензируемого труда для русской исторической лексикологии.

Однако, как явствует из названия, целью исследования, предпринятого В. Г. Демьяновым, является не лексико-фактографическое описание, а подробный анализ путей освоения иноязычной лексики в русском языке — анализ, актуальность которого еще

45 лет назад подчеркивал В.В. Виноградов, отмечавший, что "изображению приемов и принципов русификации заимствований у нас не посвящено ни одной работы" [8]. Книга В.Г. Демьянова, являющаяся первой обобщающей монографией в этой области русистики, привлекает прежде всего широким охватом языковых фактов: в ней анализируются заимствования из польского, немецкого, английского, французского, греческого, латинского языков. Принципиально важным представляется проводимое в работе погледовательное разграничение языка-источника в его этимологическом значении и языка-посредника, из которого непосредственно пришло заимствованное слово. Эта дифференциация позволяет избежать распространенного в лексикологических и этимологических трудах "перескакивания" через опосредствующие звенья, затемняющего причины особого оформления заимствованного слова, отличного от формы языка-источника (примером может служить слово *фундамент*, обязанное своей огласовкой не итал. *fondamento*, а польск. *fundament* — с. 24). В.Г. Демьянов рассматривает заимствование "как процесс постепенной, протекшей во времени и пространстве адаптации, т.е. приспособление иноязычного слова к разным сторонам системы языка-рецептора", "процесс по преимуществу диахронический" (с. 9). Именно этими особенностями объясняется вариативность основываемых слов, связанная с наличием вариантов не только в языке-рецепторе (русском), но и в языках-посредниках, ср.: *архиепископ* — *арцубископ*, *архибискуп*, *архиепискуп*, *арцубискуп*, *арцубископ*, *арцупископ*; *инженер* — *идженер*, *инженёр*, *инженер*, *инженер*, *инженер*.

В отличие от имеющихся работ по заимствованиям, автор уделяет большое внимание ономастике. Такой подход вполне оправдан, так как имена собственные, вне сомнения, составляют наиболее весомую часть иноязычной лексики "Вестей-Курантов", а отказ от этого богатейшего материала существенно обеднил бы исследование: достаточно сказать, что такие употребительные топонимы, как *Лейпциг* или *Вена*, только в первом томе [1] представлены пятью-десятью вариантами: *Лейпцих*, *Лейпцих*, *Лейпциг*, *Лейпцик*, *Лейпцих*, *Лейпцих*, *Липцих*, *Липцих*, *Любцих*, *Липцих*; *Вена*, *Ведна*, *Веден*, *Ведня*, *Вен*, *Виден* — а кардинал Ришелье именуется *Ричелив*, *Ритчилив*, *Рихелейский*, *Рихелиен*, *Ричелиев*.

"Базой наблюдений над способами адаптации", по словам автора, послужили субституции, т.е. "русские звуки, представленные

в письменной зафиксированной форме, которым соответствуют, для которых являются исходными звуки внешнего источника — языка-посредника" (с. 14—15). В.Г. Демьянов выделяет восемь способов адаптации иноязычных слов: упрощение вокальных групп (франц. *Orléans* > *Орлянского*, *Орланского*, *Орленскому*, *Орлянского*), контаминацию (*альбастровые* < ст.-франц. *albastre* и польск. *alabastrowy*), ассимиляцию (польск. *senatstwo* "сенаторы" > *санадства*), диссимиляцию, (ср.-греч. *λαμπάδα* > *лампанада*), метатезу (франц. *hallebarde* > *алебадр*), морфологическую аналогию (лат. *aqua vitae* > *яковитое вино*, ср. прилагательные с суф. *-овитый*), лексико-семантическую аналогию (польск. *kardynał* > *гординал*, ср. *гордый*), гиперкоррекцию (*скиветрь* < *σκήπτρον* — во избежание "русского" и типа *парус*).

Большой заслугой автора следует признать систематизацию весьма разнородных и, казалось бы, не укладывающихся ни в какие рамки вариантов; В.Г. Демьянов доказательно и четко продемонстрировал механизм освоения иноязычного слова, приспособления его к фонетическим законам языка-рецептора. Нельзя не отметить, впрочем, что слабой стороной работы является ее недостаточная историко-фонологическая оснащенность. Хотя сам автор признает нерелевантность праславянских слоговых законов для XVII в., в книге неоднократно упоминается закон восходящей звучности; едва ли также неправомерность написания *майор* связана с отсутствием "отражения регулярного еще праслав. перехода *jo* > *je*" (с. 13); переход [e] > [o], осуществившийся задолго до XVII в., нередко отражается и в нормированной орфографии (*плечо*, *поджог*). Углублению фонетического анализа несомненно способствовало бы привлечение данных исторической фонетики и диалектологии русского языка (В.В. Колесов, К.В. Горшкова).

Сложность и неоднородность рассматриваемого В.Г. Демьяновым материала неизбежно должны были привести к формулированию небесспорных, а иногда и ошибочных положений. Объясняя встречающуюся в [4] форму *бордеуксерня* "жителя Бордо" как контаминацию немецкого суф. *-er* и русского собирательного *-ня* (с. 53—54), автор упускает из виду, что указанный русский суффикс приобрел собирательное значение позже исследуемого периода (ср. совр. *ребятня*, *солдатня*); тот факт, что в анализируемой форме буква *p* написана надстрокой, позволяет прочесть это слово как *бордеуксереня* — и тем самым поставить его в один ряд с обычными формами

им. падежа мн. числа типа *французеня, икотченя* и т.п. (по этой же модели, а не от притяжательного прилагательного на *-я* образовано, очевидно, и слово *инчиквина* "сторонники генерала Инчикина" — с. 104). Наличие двух вариантов — *клизтер* и *клизтир* — объясняется, как мы полагаем, не ассимиляцией [ε] и [и] (с. 62—63), а разными источниками заимствования: в первом случае латинским (*clyster*), во втором — греческим (κλυστήρ). Изменение [нф] > [мф] типа нем. *Genf* > *Емьва*, несомненно, представляет собой пример ассимиляции по способу образования ([н] уподобляется губному [ф]), а не дьясимбилияция (с. 72). Форма *мраморнѣ* может быть интерпретирована не как следствие метатезы лат. *marmor* (с. 80), а как закономерный неполногласный коррелят к древнерусскому *мороморь*.

Творческий подход автора к исследуемому материалу наиболее ярко проявился в главах, посвященных морфологической и лексико-семантической аналогии. Здесь встречаются такие остроумные и изящные сопоставления, как, например: ζωυράφος > *изуграфь* "иконописец — тот, кто *изукрашивает* иконы"; δναλδύου > *налоу* "столик, на который кладутся, *возлагаются* церковные принадлежности"; лат. *fistula* > *сфистель* (трубка, которая может издавать свист); *камата* < польск. *kometa* "хвостатая, *косматая* звезда"; *бойарский* < нем. *bayerisch* [курфюрст Баварский занимал в Германии в период 30-летней войны сановитый пост "бойрина", главы протестантской лиги] (с. 107); отметим только, что в действительности Максимилиан Баварский возглавлял Католическую лигу]. Оригинальным и неожиданным является сопоставление формы *корета* (огласовка, весьма распространенная в XVII столетии) с *корыто*, подтверждаемое контекстами гпца: *показаша намъ три корѣты ис того же камне рѣзаныхъ, иже исполнени водою* (с. 109—110). Несколько натянутой представляется интерпретация названия *Вальталлинская земля* как контаминация нем. *Veltlin* и *Italien*; более правдоподобной кажется прямая связь с итал. *Valtellina*. Столь же произвольно, как мы полагаем, объяснить форму *китоарась* < κένταυρος мнимым сходством "сказочного животного" кентавра и кита (с. 104).

В целом, однако, монография В.Г. Демьянова отличается тщательным отбором и тонким анализом языкового материала. Несмотря на сложность текста, иногда даже переполненного экземплифицирующими све-

дениями, книга почти свободна от ошибок и опечаток [укажем единичные случаи: лат. род. падеж *reipublicae* вм. правильного *rei publicae* (с. 39), греч. Θεοδώρος вм. Θεόδωρος, виз [f] вм. [th] или [θ] (с. 51), нем. *Jochanniter* "иоаннит" вм. *Johanniter* (с. 54), греч. Ἰησους вм. Ἰησους (с. 100)]. Будучи практически первым опытом описания фонетико-морфологической адаптации иноязычной лексики в русском языке XVII в., рецензируемая работа намечает конкретные направления дальнейших исследований в этой области. Заслуживает, в частности, всяческой поддержки предложение автора о подготовке "хронологико-этимологического словаря иноязычных заимствований XVII в. (а может быть и XVI в.)" (с. 5). Не вызывает сомнений необходимость более полного изучения процессов освоения иностранных слов — не только в фонетическом, но и в собственно морфологическом, словообразовательном, синтаксическом аспектах. Некоторые предварительные публикации автора [9] дают основания ожидать более подробного описания всех явлений, связанных с обогащением словарного состава в начальный период формирования русского национального языка.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Вести-Куранты 1600—1639 гг. / Изд. подгот. Тарабасова Н.И., Демьянов В.Г., Сумкина А.И.; Под ред. Коткова С.И. М., 1972.
2. Вести-Куранты. 1642—1644 гг. / Изд. подгот. Тарабасова Н.И., Демьянов В.Г., Сумкина А.И.; Под ред. Коткова С.И. М., 1976.
3. Вести-Куранты. 1645—1646, 1648 гг. / Изд. подгот. Тарабасова Н.И., Демьянов В.Г.; Под ред. Коткова С.И. М., 1980.
4. Вести-Куранты. 1648—1650 гг. / Изд. подгот. Демьянов В.Г., Бахтурина Р.В.; Под ред. Коткова С.И. М., 1983.
5. *Смирнов Н.А.* Западное влияние на русский язык при Петре Великом // Сб. ОРЯС. 1904 Т. 78
6. *Christiani W.* Über das Eindringen von Fremdwörter in die russische Schriftsprache des 17. und 18. Jahrhunderts. В., 1906.
7. Этимологический словарь русского языка / Под рук. и ред. Шанского Н.М. Т. II. Вып. 8. М., 1982.
8. *Виноградов В.В.* О задачах истории русского литературного языка преимущественно XVII—XIX вв. // Виноградов В.В. Избр. тр. История русского литературного языка. М., 1978.
9. *Демьянов В.Г.* О некоторых явлениях лексико-семантических контактов русского языка с польским в XVII в. // Закономерности языковой эволюции: Тез. докл. Рига, 1990.

Крысько В.Б.